

# Фортуна

## Маркус Агирре

Возвращение в монастырь, который он покинул несколько лет назад в не очень адекватном состоянии, не принесло ничего хорошего. Приезжая сюда, вырываясь из тяжёлой рутины, связанной с заботой о мачехе, Маркус надеялся, что кто-то даст ему ответы на вопросы, но оказалось, что людей, которые могли бы дать эти ответы, в монастыре не было, а из многочисленных литературных источников, которые были в библиотеке храма было понятно слишком мало. Собственных знаний Маркуса не хватало, а развитием способности он не занимался. В принципе, и тогда он не особо занимался врачеванием, предпочитая бегать по горам одинокой гиеной, а не взаимодействовать с людьми. С последними ему тогда было сложно общаться. Сейчас страшно.

Монастырь, то место, в котором его вернули к жизни, научили держать ложку, одеваться, ходить... всему тому, что должен уметь взрослый человек. Он быстро нюпоял, что что-то не то происходит, потом ему рассказали причину этого состояния, и ему было стыдно. Монастырь дал ему шанс, которым он воспользовался. Он изменился, стал совсем другим человеком. Без прошлого. Прошное вплетала в его сознание сестра, потом подключались какие-то другие люди. Но оно, это прошлое, было как будто у другого человека. Чёрная зияющая дыра в голове, отсутствие коммуникативных навыков. Всё это раздражало, выматывало...

Несколько дней назад он пересёк ворота монастыря, попрощался с Настей и Ингой, с которыми случайно увиделся накануне, и ушёл в свою комнату. Потом был обед, общая трапезная, люди, некоторых из которых он вообще не знал, а может просто не помнил. Они разговаривали, смеялись, и он пытался тоже что-то сказать. Но почему-то, то ли из-за волнения, то ли ещё из-за чего-то он не мог произнести связную речь. В какой-то момент ему показалось, что над ним будут смеяться, как смеялись когда-то те дебилы, и он решил уйти.

И теперь он сидит в своей комнате, ходит в библиотеку, пытается понять, чем можно помочь мачехе. Наверное, надо просто ждать, когда она выйдет из комы. Она выйдет, обязательно выйдет, и всё будет хорошо. Но ожидание... оно выматывает и уничтожает. Особенно когда ты ничего не можешь сделать и просто вынужден ждать.

Он пытался разговаривать сам с собой, стоя у зеркала и произнося звуки, но почему-то всё было бесполезно. Собственная никчёмность его бесила, и он всё чаще оказывался в своей комнате, стараясь избегать любых контактов, боясь, что может сорваться и нагубить. Потому что... раньше он грубил, да и сейчас заметил, что если грубит и не боится, то речь более-менее сносная.

В монастыре он боялся...

Возможно, надо уехать обратно. Не стоило возвращаться сюда. Нужно уехать домой. Надо собирать вещи и завтра на рассвете уезжать домой.

Сев на циновку, он посмотрел на нож. Положил его в карман рюкзака и задумался.

---

### **Анастасия Полякова**

Настя вовсе не шла ругаться, хотя со стороны могло показаться именно так. Она держала в руках поднос с едой и с решительным видом направлялась в жилой корпус мастеров. Ее провожали любопытными взглядами, но Настя изо всех сил делала вид, что никого не слышит и не видит, и ускоряла шаг. Было и страшно, и неловко, но беспокойство пересилило.

Народу в монастыре было немного, и любое новое лицо могло вызвать ажиотаж. Не было ни шанса пройти незамеченным, а потому Настя ждала, что уже на следующий день услышит упоминания нового гостя, особенно если Маркус будет активно что-то искать. Она не знала, что он ищет — Маркус не уточнял, а она не допытывалась. Но прошло уже несколько дней, и Настя не услышала ничего. Будто никакого Маркуса в монастыре и не было, хотя она точно помнила, как они втроём с Ингой добрались до ворот.

Настя не спешила его разыскивать, вторгаться в личное пространство, как могла сделать прежде. Решила дать ему время обосноваться, заняться своими делами, в которые он, возможно, не хотел ее посвящать, и утешала себя мыслью, что хотя бы на общих трапезах они увидятся. Только за прошедшие дни она не видела Маркуса в столовой. Да, они могли прийти в разное время, он мог опоздать, она временами опаздывала, но ведь не все завтраки-обеда-ужины подряд.

После некоторых колебаний Настя поспрашивала, стараясь не углубляться в детали, и оказалось, что за все эти дни Маркуса в столовой видели всего один раз и ненадолго. Опять же, пыталась успокоить себя она, Маркус мог просто приходить в другое время или брать еду с собой в комнату. Но пережитый опыт научил ее, что лучше сходить и проверить, чем продолжать терзаться. И Настя пошла проверить, захватив с собой достаточно еды, чтобы хватило на двоих.

У двери она остановилась, поняла, что с подносом в руках постучаться не сможет, и с уверенным видом позвала:

— Маркус, привет! Можно зайти?

---

### **Маркус Агирре**

Острый слух гиены различил шаги, сначала далёкие, потом приближающиеся. Потом донёлся запах еды. А может наоборот, он не сильно вникал в это. Человек поднялся по ступенькам, потом направился по веранде. Шаги уверенные, быстрые, не сильно лёгкие. Девушка. Наверное кто-то идёт к себе в комнату. Но у человека поднос с едой, запах которой всё более отчетливее достигал сознания молодого человека, и от которой неприятно сводило желудок. Еда. Он дико хотел есть, но упрямо не выходил из комнаты. До столовой надо было добраться, она находилась не прям рядом с корпусом мастеров, и была вероятность встречи с кем-то из обитателей монастыря. Как показывала практика, иногда ночью кто-то тоже мог гулять, практиковать свои способности, да просто могла быть бессонница. И сейчас ему не хотелось видеть вообще никого. Он боялся. Хотя где-то в глубине души

плни́мал прекра́сно, что нико́му он не интере́сен, в него́ не бу́дут ты́кать палко́й, да и вряд ли воо́бще кто-то бу́дет вспо́минать что-то о про́шлом, было́ неприя́тно. Не хоте́лось ви́деть, слы́шать. Хоте́лось спря́таться, пере́ждать но́чь и уеха́ть.

Там про́ще. Си́льно про́ще.

В мона́стыре, кото́рый подари́л ему́ жи́знь, спосо́бности и ка́ких-то дру́зей, было́ тяжёло. И стра́шно.

Тем вре́менем подно́с с едо́й остано́вился напро́тив д́вери в его́ ко́мнату, и Ма́ркус почувство́вал, как желу́док свело́ неприя́тным спазмо́м, судоро́гой. Потом слы́шался бо́дрый го́лос Анаста́сии. Она́ прине́сла подно́с и хоте́ла войти́.

Он мотну́л голо́вой, вздохну́л и, отложи́в рю́кзак, встал с ци́новки. От долго́го сиде́ния, голо́да или ещё́ чего́-то закру́жилась голо́ва, и он мотну́л е́ю и поморщи́лся. Протёр́ ли́цо ру́ками и подошёл́ к д́вери. Взя́лся за ру́чку и опу́стил голо́ву, не зная́, что де́лать да́льше. Пропу́стить На́стю, прогна́ть её́, забрав подно́с с едо́й, или просто́ сде́лать ви́д, что его́ тут не́т. Ни о́дин ва́риант ему́ не по́нравился, и он, шумно́ вдо́хнув, откры́л д́верь и сде́лал при́глаша́ющий же́ст. Отошёл́ к сте́не, напро́тив ци́новки, и посмотре́л на де́вушку. По́ка не ста́л ни́чего́ говори́ть. Воо́бще разгово́ривать не хоте́лось.

---

### **Анаста́сия Поля́кова**

Мелькну́ла мы́сль разверну́ться и убе́жать, но На́стя уси́лием во́ли сдержала́ се́бя. Ей ни́когда не нра́вились ссо́ры, и она́ стара́лась не до́водить де́ло до ко́нфликта, игнори́руя неприя́тные мо́менты и подстраи́ваясь, ко́гда требо́вала си́туация. Она́ мо́гла бо́лтать ни о́ чем ча́сами, но ни́ разу не углуби́ться во́ что-то личное́ — на́верное, поэ́тому она́ так и не за́вела се́бе бли́зких дру́зей, — но го́ды, прове́денные в Ли́нь Я́н Шо́, научи́ли её́ то́му, что ино́гда ну́жно бы́ть насто́йчивой и что́-то де́лать. Э́то во́все не значи́ло, что На́стя сей́час посту́пала пра́вильно — мо́жет, Ма́ркус на не́е оби́дится и про́гонит про́чь, — одна́ко она́ дол́жна бы́ла по́казать, что ей не́ все ра́вно, и поза́боти́ться о́ нем, ко́гда бо́льше ни́кого́ из бли́зких ря́дом не́ было. Мо́жет, э́то все о́дна бо́льшая оши́бка, но бо́льшей оши́бкой бы́ло бы́ не при́йти во́все.

На́стя не о́щущала́ и по́ловины те́х уве́ренности и спо́койствия, с кото́рыми за́шла в ко́мнату, ко́гда Ма́ркус, не сказа́в ни сло́ва, откры́л пе́ред не́й д́верь, и поста́вила подно́с на сто́л. Ей по́казало́сь, что в откры́тую про́явить беспо́койство, нахму́риться, взгру́стнуть сей́час бу́дет пло́хой и́деей. Она́ то́лько за́ставит Ма́ркуса ещё́ бо́льше во́лноваться и, возмо́жно, при́творяться, что́бы она́ успо́коила́сь и не пере́живала́.

По-пре́жнему улы́баясь, она́ сказа́ла:

— Я́ подумала́, что мы́ мо́гли бы́ пообе́дать вме́сте, е́сли ты́ не заня́т, ко́нечно. Я́ ча́сто е́м вне гра́фика, так что́ в сто́ловой мы́, мо́жет, воо́бще не уви́димся, а я́ хоте́ла у́знать, как у́ те́бя де́ла.

Э́то не́ было́ ло́жкой — На́стя не хоте́ла возо́бновля́ть о́бщение со́ лжи, — она́ и пра́вда ча́сто ли́бо лени́лась и́дти до сто́ловой и е́ла у́ се́бя то́, что за́пасла́ в

прежние дни, либо вовсе не хотела есть, а в столовую забежала, как придется, чтобы пополнить съестные запасы. И ради себя одной она бы не потащилась набирать поднос блюд, а вот поесть с кем-то знакомым было бы приятно. О поисках Маркуса она и вовсе ничего не знала и заставляя рассказывать не хотела — вряд ли он из-за пустяка вернулся, а теперь сидит-хандрит у себя в комнате, — поэтому выразилась максимально размыто. Что захочет, то и расскажет. Может вообще ничего не говорить.

---

### **Маркус Агирре**

Девушка поставила поднос с едой на стол, и Маркус снова ощутил, как желудок свело судорогой. Потом вспомнил, как в том числе и она помогала ему, когда он даже не умел держать ложку. Прикрыл глаза, почувствовав резкое отвращение к себе, и сжал руку в кулак. Посмотрел на девчшку и поморщился. Тогда он был совершенно беспомощен, жалок, ужасен. Он не сомневался, что его надо было пристрелить или оставить в том доме. Своим появлением он стольким людям принёс неудобств.

Единственный человек, которому он позволял о себе заботиться, сейчас находится в коме. Прогнозы никто не даёт, но шанс на то, что всё окончится хорошо, с каждым днём становится минимальней. Больше он никому не позволял о себе заботиться, хоть никто и не акцентировал всё это. И Настя тоже о нём заботилась тогда.

Заботится и сейчас. Маркус протёр рукой лицо и, вздохнув, посмотрел на девушку и позволил слабую улыбку, очень слабую, почти незаметную.

- Спа-сибо, - проговорил он, стараясь не нервничать. Почему-то стало сложно говорить, но говорить надо. Хотя бы для того, чтобы хоть немного восстановить речь и не казаться грубым.

- Приса-жи-вай-ся, - он закрыл дверь и кулаком ударил по ней, чувствуя, что ведёт себя не так, как должен. Почему он так расклеился?! - Как тво-я под-руга? При-няла свое-го зве-ря? - Он сел на корточки у стены и взял одну миску с рисом и мясом и протянул девушке. На подносе не было вилок, только палочки, и он горько хмыкнул. - Я не пом-ню, как поль-зо-вать-ся палоч-ками. Прос-ти.

Сначала хотелось сходить за вилок, но это означало покинуть свою комнату и столкнуться с кем-то. Потом возникло желание попросить это сделать Настю, но затем он вспомнил, что в складном перочинном ножике есть маленькая ложка. Достав нож из кармана рюкзака, он открыл ложку и взял вторую пиалу. Есть хотелось, и он, подумав немного, стал есть.

---

### **Анастасия Полякова**

Настя присела на указанное место, решив не акцентировать внимание на том, как Маркус ударил кулаком о дверь. Она не понимала, что с ним происходит, и могла лишь догадываться, что его злит неспособность говорить так, как раньше, или он не может найти то, за чем приехал. Настя удержала себя от того, чтобы выпрашивать подробности, хотя неопределенность ее нервировала, и рассказала о состоянии Инги.

— Более-менее договорились. Инга убежала тренироваться, я и моргнуть не успела.

Настя могла лишь надеяться, что подруга начнет с чего-то менее физически затратного: с медитации, например — чтобы к вечеру не падать на матрас, как мешок картошки. Она не стала углубляться в детали, не зная, согласится ли сама Инга раскрывать информацию о себе едва знакомому человеку, даже если этот человек ей помог.

О палочках Настя вообще не подумала. Она почти беспрерывно жила в монастыре, а за его пределы в последний раз выбиралась только в Японию, так что как-то подзабыла, что не все могут палочками есть, а она даже не знала, умел ли Маркус ими пользоваться до амнезии.

— Прости, в следующий раз принесу вилку. Или суп, для него палочки не нужны.

Настя взяла в руки миску и палочки и съела кусочек мяса с рисом, чтобы дать себе пару мгновений на раздумья. Маркус уже не казался таким смурным, как прежде, и она понадеялась, что ее присутствие и дальше ничего не испортит. Но он первым начал о чем-то расспрашивать. Это хороший знак, верно? В голову некстати шли воспоминания о том, как она была здесь ещё до амнезии Маркуса — в общем, совсем не то, о чем стоило сейчас думать.

— Как твои поиски? — прожевав, спросила она. Не стоило затягивать молчания, а других тем в голову не приходило. Уж очень Настя хотела узнать, что же вернуло Маркуса в монастырь, но и настаивать не хотела. А так вопрос достаточно абстрактный, чтобы ничего конкретного в ответ не сказать.

---

## Маркус Агирре

- Это хо-рош-о, - сказал Маркус на сообщение про Ингу. И снова замолчал. Разговор не клеился, рис рассыпался, настроение было каким-то странным. - Пусть бере-жёт се-бя. И ты бе-ре-ги се-бя.

Сказав это, Маркус опустил голову и посмотрел в свою миску. Кусок мяса никак не вылавливался, и он, помучившись немного, отложил ложку и взял пальцами мясо. Положил в рот и хмыкнул. Некоторое время в комнате было молчание, и молодой человек рассматривал рисинки, чтобы хоть чем-то себя занять. Настроение было не то, чтобы плохое, просто скорее всего ему было грустно и одиноко. Наверное, это можно было назвать одиночеством. Он тут не был никому нужен, но радовало, что, в принципе, вообще никто никому не нужен. Каждый живёт своей жизнью и не влезает в чужую. Он тоже редко влезал в чужие жизни.

После недолгого молчания Настя задала вопрос, и он не знал, как ответить. Решив всё-таки сказать, что поиски ни к чему не привели, он буркнул "никак", почти без запинки, и получилось это как-то грубо. Он не хотел быть грубым.

- Я не смо-г от-ве-тить на сво-и воп-ро-сы. Завт-ра утром хо-чу пое-ха-ть до-мой.

Доковыряв в тарелке и снова схватив еду пальцами, Маркус поставил пиалу на поднос и прислонился к стене головой. Прикрыл глаза и вздохнул. Хотелось ещё

много всего сказать, но почему-то он не мог говорить нормально. Какие-то страхи были в его голове, и он не знал, как с этим бороться.

---

### **Анастасия Полякова**

— Будем беречь, спасибо. — Настя вежливо улыбнулась. Разговор складывался так, словно она обедала с первым встречным. Наверное, для Маркуса все так и выглядело. А у нее с пациентами диалоги живее были.

Настя не имела права обижаться. Ну, она так думала. Она должна была быть понимающей, сдержанной и терпеливой, когда у дорогого ей человека проблемы, и она искренне старалась: не наседала с вопросами, не лезла в душу, делала вид, что не замечает явной несдержанности эмоций, которые Маркус, наверное, не хотел ей демонстрировать. Сидела, как на иголках, просчитывая каждую фразу, словно аферу проворачивала, а не пыталась поддержать друга и наладить взаимодействие.

Маркус заговорил чётче, чем прежде, и заикался реже — видимо, когда злился, с речью проблем становилось меньше. Ладно, решила про себя Настя, сама виновата, не надо было к нему в комнату лезть, столкнулись бы в библиотеке, лучше было бы, а тут Маркус, наверное, ощущал себя, как в ловушке, когда в его личное пространство так бесцеремонно вторглись. Она не должна была обижаться. Она и не обиделась, просто расстроилась. Сообщение о скором отъезде огорчило ещё больше.

— Уезжаешь? — переспросила она, не зная, что ещё делать. — Уже? Ты уверен? Прошло всего несколько дней, может, ты ещё что-то найдешь.

Будь на ее месте Инга, сказала бы, наверное, "скатертью дорога" или что-то в этом духе, посчитав выше собственного достоинства унижаться и что-то выпрашивать или уговаривать остаться, даже если захотела бы, чтобы человек остался. У Насти же и веской причины не было, потому что "я так хочу" — это такая себе причина.

Маркус убрал миску в сторону и прислонился к стене, закрыв глаза. Настя нерешительно протянула к нему руку, но в последний момент одумалась и только спросила:

— Тебе нехорошо? — Она хотела предложить помощь, но вспомнила, что Маркус свои навыки врачевания развивал достаточно хорошо, чтобы справиться с головной болью. — Я, наверное, лучше пойду.

Настя собрала все обратно на поднос, поняв, что Маркус вряд ли захочет что-то доедать — в противном случае она позже принесет ему что-нибудь ещё, — и поднялась. Уже тише добавила:

— Отдохни. Прости, что помешала.

---

### **Маркус Агирре**

Разговор не задался с самого начала, и Маркус понимал, что в какой-то мере он сам в этом виноват. Не надо было вообще открывать дверь, а если открыл, то надо было быть как-то доброжелательней. Всё-таки девушка ничего плохого не делала.

Наоборот, дала ему поесть, позаботилась о нём. Он фыркнул и скривился. Именно, что позаботилась. Именно тут, в этом монастыре, о нём заботились, и это было плохо, неправильно. Вероятно, надо было просто отпустить это, забыть об этом и жить спокойно. У него были все шансы забыть своё прошлое, жить настоящим и думать о будущем. Много людей в мире мечтает забыть о каких-то событиях своего прошлого, а он, наоборот, почему-то только и живёт этим прошлым.

Хотя его прошлое началось здесь, когда он впервые открыл глаза. Или в деревенском лазарете, где его вылечили. Но глаза он вроде открыл здесь. Неважно.

Он помассировал виски пальцами руки, а другой рукой, периодически сжимаемой в кулак, постучал по своему колену. Он злился. На себя больше, чем на Настю. И понимал, что надо что-то сказать, пока она не ушла. Почему-то ему показалось, что если она сейчас уйдёт, то это будет навсегда. Она больше никогда не вернётся, и, если он ещё раз решится посетить этот монастырь, то вряд ли сможет даже заговорить с ней. Он не хотел её терять...

Она встала и подошла к двери, и Маркус, понимая, что ещё один её шаг, и он останется здесь один. У него и без того нет тут друзей, да и никогда не было, а все, с кем он как-то взаимодействовал, остались в Японии и в Испании. В Японию пока он не может приехать, дядя понимает его и не увольняет. Просто дал ему бессрочный отпуск. Когда мачеха проснётся и восстановится, то он уедет обратно. Он не знает.

- Нас-тя, - произнёс Маркус и встал на ноги. Голова слегка закружилась, и он снова помассировал виски пальцами руки. Потом пересёк комнату одним шагом, забрал у неё поднос, поставил на место посмотрел в окно. - Не ухо-ди. Я...

Он закрыл глаза и опустил голову. Глупо. Всё глупо, ничтожно.

- Я чувст-вую себя нич-тожным, что не мо-гу ниче-го. Моя ре-чь не восста-новится, это невоз-можно, но... - он вздохнул. - Мне пло-хо zde-сь. Мне стыд-но смот-ре-ть на те-бя, да и на ос-тадь-ных. И...

Он повернул голову и посмотрел на девушку. Поморщился от осознания собственной ничтожности. Не так он себе представлял общение с Настей. Хотя, если быть точнее, то он вообще не представлял, что ему станет тут так плохо.

- Моих навы-ков недоста-точно, чтобы спас-ти маче-ху. Она уже год в ко-ме, а я ниче-го не могу с э-тим по-де-лать. Вра-чи ниче-го не гово-рят, но они и не бу-дут ниче-го гово-рить. Я ду-мал, что смогу zde-сь уз-нать что-то но-вое, но нет. Моих зна-ний не хва-тает.

Наверное, чтобы вытащить человека из комы, нужно быть таким же крутым врачом, как Тео, который его вытащил с того света и вылечил от смертельной болезни. Маркус никогда не стремился быть крутым врачом и сейчас понимал, что гиена - это не самое лучшее и нужное в его жизни, что есть вещи намного более важные, чем бегать по горам или саванне (хотя в Африку он больше никогда не сунется).

- Прости, что зас-та-вил тебя слу-шать это, - произнёс он, неожиданно подходя к девушке и обнимая её.

---

### **Анастасия Полякова**

Настя остановилась у двери, как только услышала свое имя. Маркус выглядел неважно, а она не понимала, как ему помочь. Дело было не в ранах и не в болезни — по крайней мере, не в тех, которые она могла вылечить, — а с выражением словесной поддержки у нее всегда были проблемы. Его слова позволили ей понять, почему он предпочитал не покидать свою комнату все эти дни.

— Ты пострадал, и тебе нужна была помощь. В этом нет ничего постыдного. — Настя говорила спокойно, размеренно, не срываясь на жалость. Просто констатировала факты. — Есть много вещей, которых я не могу и никто здесь не может. Это нормально. Чему-то мы сами учимся, что-то оставляем на откуп другим.

Тяжесть и боль следующих слов ощутимо давили на нее. Что она могла на это сказать? Сама Настя не теряла родных в сознательном возрасте и никогда не была близка к тому, чтобы потерять, она понятия не имела, что делать с этим горем и как поддержать. Год комы — такое могли исцелить лишь немногие мастера, настоящие профи в своем деле. Настя и близко к ним не стояла, несмотря на годы обучения и практики, и сейчас как никогда жалела, что не уделила врачеванию больше времени. Как так получалось, что она столько училась и все равно не могла ничем помочь в тот единственный раз, когда это действительно важно?

— Никто не ждёт, что ты за несколько недель достигнешь вершин там, где остальные совершенствуются годами. То, что ты здесь очутился, не значит, что ты должен уметь все, что тут изучают. — Это было слабое утешение, Настя понимала, но ничего больше в голову не шло. — Ты не говорил с мастерами? Может, кто-то из них мог бы помочь или знает подходящего специалиста не из Линь Ян Шо?

Настя крепко обняла его в ответ, прислушиваясь к чужому дыханию, и понадеялась, что действия скажут больше слов. Если бы только она могла снять бремя с его плеч с такой же лёгкостью. Все, что она могла, это тихо попросить:

— Не извиняйся, хорошо? Ты ничего плохого не сделал. — И после некоторого колебания добавила:

— Для этого и нужны друзья, правда?

---

### **Маркус Агирре**

Девушка обняла его в ответ, и он прикрыл глаза и позволил себе еле заметную улыбку, правда ненадолго. Её слова о том, что он пострадал и нуждался в помощи, которую ему и оказали, ему не понравились, и он поморщился. Он не был уверен, что должен был вообще выжить, и... В общем, ему всё ещё было стыдно. Глупейшая ситуация, на самом деле совершенно необычная. Он не знал, как заразился бешенством, но Джун рассказывал, что на ноге была небольшая ранка. Не укус. Это единственное, что он знал.

- Я zde-сь очу-тил-ся в то вре-мя, когда бвл подон-ком. Я до сих пор не зна-ю, поче-

му меня сю-да пус-ти-ли тог-да. Во мне про-сы-пал-ся зве-рь, и... - он замолчал, не зная, нужно ли это говорить. Он помнил по рассказам сестры, которая обладала удивительной памятью помнить вообще всё. Яреци много ему рассказывала о нём. Папа тоже что-то рассказывал, что-то он как будто помнил. И помнил, что в монастырь пришёл не то, чтобы с плохими намерениями, но как-то не очень хорошо.

- Я не ви-дел ни-ко-го, да и вряд ли это мож-но сде-лать. А Тео, кото-рый ме-ня выта-щил с того све-та, сей-ча-с нет. Да и... Лад-но, это лиш-нее. Прос-то...

Он осёкся и хмыкнул. Провёл по спине Насти, чувствуя её тепло, и вздохнул. Говорить о том, что, хоть ему понравилось врачевание, занимался исключительно своей гиеной, не хотелось. Гиена не сможет исцелить.

- Настя... - прошептал он и, слегка отстранившись от неё, склонил голову. - спасибо, - и он, повинувшись какому-то неожиданному порыву, поцеловал её в губы.

Испугавшись своих действий, он разлепил объятия и отошёл от неё. Повернулся к окну и пробормотал "прости". Сжал руки в кулаки и постучал по подоконнику. Глупо, противно и... Хотя если она сейчас уйдёт, то ему будет намного легче покинуть монастырь и вернуться в Мадрид.

---

### **Анастасия Полякова**

Настя все ещё задавалась вопросом, как много Маркус знал о своем прошлом. Сколько он помнил и сколько ему рассказали? Даже в те дни, когда он, по его собственным словам, был подонком, он был к ней очень добр, ни разу не попытался оскорбить или как-то унижить, напротив, разговаривал вежливо и даже помогал. Знал ли Маркус об этом теперь, если о прошлом ему говорили его родные, которые понятия не имели об их взаимодействии? Вряд ли.

— Ты не был подонком, — резко заявила она и, чуть смутившись, уточнила: — Не для меня. Ты не образец благочестия, конечно, так я тоже. И почему бы тебя не пустить? Монастырь для того и нужен, что мы могли изучить свои силы.

Настя испытала явное дежавю и даже знала, что напонила ей эта сцена: их первую встречу, когда Маркус, обратившись гиеной, напал на подругу Яреци и прятался потом в беседке, где они и заговорили впервые. Она вспомнила, как всего несколько дней назад он все время апеллировал к ее благополучию, к самочувствию Инги, но ни разу толком не упомянул о собственных нуждах.

"Ты словно пытаешься искупить вину за то, чего даже не помнишь, за то, что давно искупил", — подумала она про себя, но решила, что слишком тягостно будет сказать это сейчас.

И да, он был прав, людей в Линь Ян Шо сейчас в целом немного, а высокоуровневых врачей — и подавно. Неудивительно, что он никого не нашел. Настя чувствовала, словно она каким-то образом его подвела, потому что её умений здесь недостаточно, хотя умом понимала, что эти чувства безосновательны. Ей показалось, что Маркус и сам думал, что подвёл мачеху, раз не освоил врачевание лучше.

Маркус поцеловал ее и тут же разорвал объятия — так резко, словно она была инфицирована. Совсем не то, чего ожидаешь в ответ на упоминание дружбы. Он что-то ещё вспомнил из их прошлого или это был мимолётный порыв? Настя попыталась удержать Маркуса за руку и заговорила, сохраняя голос спокойным и размеренным:

— Эй, эй, все в порядке, все хорошо. Я не злюсь.

В голове у нее все перемешалось. Настя, конечно, догадывалась, как бы она отреагировала раньше, до всего, и это смущало ее до глубины души, но сейчас, когда Маркус не в себе и его несёт то в одну, то в другую сторону, и, кажется, он сам не понимает, чего хочет, она не могла идти у него на поводу.

— Маркус, все в порядке, — спокойно повторила она и переплела их пальцы. — Но давай сейчас ты поешь и отдохнёшь, как следует, и если через... неделю, например, ты все ещё будешь придерживаться тех же чувств... — Боги, какой кошмар! Она говорила так высокопарно, словно они в семнадцатом веке, а он в неё до гробовой доски влюблен. — Я предпочту целоваться за пределами монастыря.

У них, конечно, очень условный монастырь, и никто не требует целибата, но Насте все ещё было до жути неловко. Казалось, сейчас из-за угла выскочит кто-нибудь из мастеров и пожурит уже за то, что они держатся за руки. Ну, она старательно убеждала себя, что страшно и неловко ей только от этого.

---

## Маркус Агирре

По рассказам сестры, иногда отца и мачехи он считал и видел себя подонком. Яреци когда-то давно рассказала ему о том, что он делал с её матерью, отец это подтвердил. Даже дядя когда-то очень давно сказал, что и ему Маркус в своё время подпортил жизнь. И Маркус не знал, зачем ему это рассказывали, что делать с этим знанием, как жить дальше. Но он знал, что если бы не получил знаний о своём прошлом, то... Что бы случилось? Что бы он стал делать? Прошрое, как он знал, есть у всех, даже у жертв ДТП, которые потом всю жизнь оставались инвалидами по тем или иным причинам. Они ничего не понимали, но у них было прошрое, которое при желании можно было посмотреть, если ты обладал способностями к прорицанию. Маркус не обладал. Сейчас не обладал. Раньше... вроде тоже.

- Зна-ешь, мне кто-то ска-зал, что у ме-ня есть шан-с нача-ть жиз-нь зано-во. Может бы-ть так и на-до бы-ло де-лать, а не цеп-лять-ся за прош-лое. Прос-то ста-ть но-вым. В э-то-м пла-не мне по-вез-ло, и...

Говорить было трудно, и он повернулся к девушке, которая стояла позади. Она положила ладонь на его кулак, и он разжал его. Повернулся к ней, перехватил её ладонь и переплёл пальцы. Опустил голову.

- У ме-ня нет прош-ло-го. От-пе-чат-ки паль-цев оста-лись такими же, в ба-зах я чис-люсь, но... ни-ти судь-бы при-ве-дут толь-ко к мое-му пер-вому вос-поми-на-нию, ког-да я отк-рыл гла-за. Тут или в де-рев-не, не пом-ню. Я не з-на-ю, как на-до бы-ло де-лать. Но, - он поднял голову и встретился взглядом с девушкой. Возникла мысль

осторожно коснуться её сознания щупальцами Аджны, попробовать ей передать *нормальные* слова и предложения, но разговорная речь нужна. Да и не стоит пытаться переходить на ментальную магию. Всё-таки как-то он умеет говорить.

- Но... жиз-нь без прош-лого - это тя-желю.

Особенно учитывая то, что он являлся причиной гибели какого-то парня в Африке, он радовался, если можно так сказать, что знает об этом и понимает, что может такое случиться, что к нему приедут, его заберут туда и посадят в тюрьму. Может и на электрический стул. А если бы он об этом не знал, выбрав жизнь без прошлого, то было бы обидно, страшно, непонятно...

И поцелуй. Странные слова после поцелуя. Он даже не сразу понял их смысл, но слабо улыбнулся. Почему-то резко расхотелось уезжать. Потому что он не был уверен, что ещё когда-нибудь сюда вернётся. Его жизнь не здесь. А там, рядом с мачехой, папой и братишкой.

- Настя, - выдохнул он, снова прижимая её к себе и наклоняя голову к ней. Носом коснулся кончика её носа, - Я не хо-тел сюда возв-ра-щать-ся. Те-перь не хо-чу уез-жать. Я... ты мне нра-вишь-ся.

Сказав это, он снова поцеловал её.

---

### **Анастасия Полякова**

Начать жизнь заново, не цепляться за прошлое, стать новым — Настя ничего этого не понимала, даже представить не могла. Конечно, у любого найдутся болезненные моменты, которые не хочется вспоминать, но не помнить вообще ничего... Словно человек — это компьютер, который можно сбросить до заводских настроек, не оставив следов. Даже амнезия не превращает тебя в чистый лист. Ну, за некоторыми исключениями. Считался ли Маркус таким исключением?

— Едва ли я могу сказать тут что-то полезное, — начала Настя с извиняющейся улыбкой на лице, — но это твоя жизнь, и мне кажется, что тут важнее не "как надо", а как ты сам хочешь. Если тебе не нравится идея выбросить прошлое и закрыть на него глаза, храни его, но не думай все время только о том, что было, словно это единственное, что у тебя есть.

Настя подумала о том, как много потеряла с тех пор, как пробудила свои способности. Она больше не могла поддерживать контакт с людьми, пока не научилась более-менее сносно держать ментальный щит, из-за чего в первые месяцы в Линь Ян Шо ей буквально сносило крышу от возможности пообщаться с кем-то, кто, если и не владеет ментальной магией, знает о ее существовании и понимает, что его мысли неопытный новичок может случайно прочесть. А после обучения здесь ей и вовсе не хотелось возвращаться к "нормальной" жизни, где она не могла в открытую применять свои способности. Как больно было понять, что жизнь, о который она мечтала годами, ей больше не подходит.

— Попробуй подумать о том хорошем, что есть сейчас, — наконец сказала она, опираясь на свой опыт. — Это не то, о чем ты мечтал, но оно тоже хорошее, и,

может быть, со временем этого будет достаточно, чтобы восполнить то, что ты потерял. Или тебе хотя бы станет легче переносить эту потерю. Не легко, но... легче.

Нравится? Не рано ли такое говорить? Маркус только что сказал, что из прошлого у него в памяти ничего не осталось, а после его амнезии они едва ли виделись достаточно, чтобы возникли какие-то чувства, разве нет? И насколько этично с ее стороны соглашаться на отношения с человеком, который почти наверняка эмоционально скомпрометирован? Ох, как же ей хотелось хоть какого-то совета!

После некоторого колебания Настя позволила себе ответить. Это ведь один поцелуй. Никто не осудит ее за один поцелуй, верно? Тем более, не она его инициировала. Отстранившись, она посмотрела на свои пальцы, сжимающие его плечо. Смотреть в глаза было слишком неловко. Говорить, что просила не целоваться в монастыре, — тоже, учитывая, что сама же поцеловала в ответ.

— Маркус, — тихо позвала она и, убедившись, что ее услышат, ответила на последние его слова: — Я не прибита здесь гвоздями. — Она позволила себе тихий смех. — Конечно, мне сейчас нравится здесь жить, но тебе нет, да и я не живу здесь безвылазно. Тебе не нужно пересиливать себя и оставаться в месте, которое не нравится. — Все эти дни здесь он едва ли выходил из комнаты, и Настя не хотела, чтобы так продолжалось. — Не скажу, что я рада твоему скорому отъезду, но мы всегда можем созвониться или встретиться где-нибудь ещё.

Может, это даже к лучшему. Оказавшись в более приятной обстановке, за пределами монастыря, Маркус поправится и сможет гораздо яснее понять, а нужны ли ему эти отношения. Настя все ещё не решалась высказать свои опасения вслух и знала, что, если все это лишь короткое помутнение и попытка удержаться за единственного здесь знакомого человека, ей будет больно. Но раньше она просто обходила эту тему стороной, даже когда он в открытую показывал симпатию, и сейчас хотела ответить взаимностью. Если все обернется плохо, ей даже убежать не придется: Маркусу настолько не нравился монастырь, что он здесь больше не появится, а за его пределами целый мир, где у них нет ни шанса случайно встретиться.

---

## Маркус Агирре

- Да. У ме-ня сей-час ес-ть хо-ро-шее. Бы-ло, - он фыркнул, передёрнулся и снова фыркнул. - Не-т, оно ес-ть. - Кома - это ведь всё ещё жизнь. И пусть жизнь не такая, чтобы прям "вау", но все знают, что пока бьётся сердце человек жив. У Джулии сердце билось. Что было у неё с мозгом, он не знал, да и не узнает, наверное. Знаний нынешних очень мало, к ним ничего нового не добавилось, и это злило молодого человека.

Ему много кто говорил, что у него есть шанс начать новую жизнь, отличную от той, что была до болезни. Он и начал. Работал, пусть не на самой хорошей должности и не в самом хорошем месте, хотя ресторан дяди не может быть плохим местом, но работал. Раньше, как он понимал, со словом "работа" у него были проблемы. У него со всем были проблемы, а потом появился зверь. Этот монастырь... Африка.

Его спасли из-за того, что он вернулся сюда. Он знал это место и знал, что ему

вернут жизнь.

Хотя если бы не этот монастырь, не эта гиена, то не было бы этой Африки. Что было бы, если б он не пришёл сюда в своё время, он не знал. Подумать ему не дали. Настя его поцеловала в ответ, и он крепче её обнял. Наверное, она права - раз он выжил и стал другим, то стоит всё равно помнить что-то хорошее, а плохое, вроде убийства, оставить где-то там, в стране забвения. Только вот "помнить" и "знать" - это разные вещи. Он знает, но не помнит. Даже после амнезии люди что-то помнят. У них нет дыры в сознании. А у него есть. Пустота. Не отсутствие мозгов, интеллекта и прочего, а вот памяти. Связи какой-нибудь. Чего-то ещё важного.

А потом, после поцелуя, произошло что-то странное. Настя сначала сказала что-то про гвозди, а потом до него дошёл смысл фраз, и он прикрыл глаза. Внутри почему-то стало тоскливо, паршиво, и появилось желание уехать. При этом даже не завтра, а прямо сейчас. И пусть, что последний автобус до Лхасы уехал недавно, он переночует где-нибудь в деревне, в горах. Неважно где, только лишь бы не видеть девушку. Он разорвал объятия и посмотрел на неё, в глазах появился какой-то холод, и он поспешно отвернулся к окну.

- Хорошо, - сказал он почти без запинки, - я уеду.

Больше он так ничего и не сказал. Просто остался смотреть в окно.

---

### **Анастасия Полякова**

Настя ощущала, как Маркус все больше погружается в размышления, из-за чего слушает ее очень избирательно. Казалось, он не мог — или просто не хотел? — отпустить ситуацию, принять то, что случилось, и идти дальше, опираясь на прошлое как на опыт, который многому научил. Он все прокручивал в голове одно и то же, по кругу, снова и снова, будто это помогало. Насте это могло не нравиться, но она не собиралась осуждать, не имея понятия, как бы она себя вела, если бы потеряла память о прошлом и могла опираться лишь на чужие слова, чтобы строить новую жизнь на обломках старой.

А ситуация с мачехой? Да, мастеров рядом не было, у самого Маркуса способности были не так высоки, чтобы чем-то помочь, но он настолько не желал оставаться в монастыре, что даже не думал о возможности обучиться здесь большому? Конечно, он не достигнет высот за несколько дней или недель, но ведь надо же с чего-то начинать. Однако отвращение к монастырю было сильнее. Будь на ее месте Инга, она бы об этом сказала, но Насте казалось, что это не ее дело лезть во все это.

И тут произошло нечто ещё более странное: Маркус отстранился, глядя на нее, как на врага, отвернулся и сказал, что уедет. Настя замерла, пытаясь понять, что происходит. Нет, про отъезд она и так знала, это было очевидно, но почему такая реакция? Только что он говорил, что она ему нравится, а теперь даже смотреть на нее не хочет. В груди что-то неприятно заняло.

Реальность настигла ее слишком быстро, и Настя все открывала рот, пытаясь выдать из себя хоть что-то, но в голову не шло ни одного нужного слова. "Быстро же он опомнился", — мелькнула в голове ядовитая мысль. — "Память, вроде,

потерял, а прежние замашки остались?" Настя вспомнила рассказы Яреци о том, каким она знала своего брата, и подумала, не было ли все это какой-то странной шуткой, издёвкой. Только зачем? И разве стал бы Маркус так поступать? У него вообще была амнезия или это тоже часть уловки? Настя тряхнула головой, отбрасывая последнюю мысль — это было уже слишком даже для теории заговора.

Может, просто понял, что ему не нужны сейчас отношения, не с ней, когда она заговорила о том, чтобы увидеться где-то ещё или созвониться, и поспешил все отменить? Только зачем для этого так себя вести? Настя почувствовала закипавшее в ней раздражение напополам с болью и хотела просто развернуться и уйти, хлопнув дверью. К черту его и к черту все это! Позвольте ей сохранить хоть остатки гордости, когда ее так явно и глупо вывели на почти признание, чтобы потом отбросить в сторону. И все же, пересиливая страх, она решила проявить честность ещё раз.

— Я не знаю, о чем ты думаешь, Маркус, но все это начинает выглядеть, как какая-то издёвка, — сказала Настя, молясь о том, чтобы голос у нее не дрожал. Возьми себя в руки, возьми себя в руки, Настя, поплакать сможешь как-нибудь потом. Держись! Обычно, если кто-то причинял ей боль, она предпочитала сбежать и больше с этим человеком не сталкиваться, но вот она здесь, все ещё стоит перед ним, настаивает на чем-то. Что она творит вообще? — Я... не понимаю, чего ты хочешь? Что вообще... происходит? Что...

Она не договорила, чувствуя, как перехватывает дыхание. С каждой секундой ей все больше хотелось убежать, закрыться у себя в комнате, укутаться в одеяло и никуда больше не выходить.

---

## Маркус Агирре

Всё это выглядело странно. Не по-взрослому, а будто сейчас разговаривали дети, мол, ты отнял мою лопатку, я не буду с тобой дружить и не дам ведёрко чтобы построить куличик. Глупо, мерзко, отвратительно.

Настя долго молчала, и он подумал, что сказал и сделал что-то не так. Хотя он знал, что сделал не так. Открыл дверь, когда она пришла в его комнату с подносом. Надо было сидеть дальше и думать, что делать в дальнейшем. Здесь, в библиотеке в храме, было очень много литературы, которую он осматрел, что-то запомнил, что-то понял. Но он не был кретином или наивным идиотом (хотя, возможно, его таким и считали, он не знал) и понимал прекрасно, что не сможет за эти две жалкие недели освоить то, что люди осваивают годами и десятилетиями. Просто он до приезда сюда не знал, насколько это сложно и думал, что может справиться сам. Дурак, да, обыкновенный дурак.

И всё-таки, несмотря на то, что ему стало здесь тяжело (по некоторым обстоятельствам) он узнал, что можно будет чем-то ей помочь, *когда* она выйдет из комы. Тогда он попробует ей помочь. Сейчас же оставалось только одно - поддерживать её состояние, чтобы оно было хотя бы стабильным.

Ещё одна причина, которая заставляла его просто сбежать из монастыря, стояла позади него и... злилась? Или расстронной была? Он не знал. Вспомнил Лухан, она

тоже как-то на него обиделась, потом они расстались. Маркус не понял ничего, но там вроде был денежный эквивалент. А тут? Почему Настя злится? Она... не верит ему? Боится? Но ведь он... он изменился?

- Слож-но, - прошипел Маркус, ударяя по подоконнику кулаком. Не сильно, просто чтобы что-то сделать. Он не знал, зачем это делал. - Ты не ве-ри-шь мне? Ты оби-делась? Но ведь ты только что сказа-ла, что я мо-гу уеха-ть, пусть и не хо-чешь ты э-того, и мы мог-ли бы ког-да-то встре-тить-ся. Может бы-ть я не был пра-в, что не хо-чу сюда воз-вра-щать-ся, но у ме-ня кон-чае-т-ся вре-мя, и мне на-до возвра-щать-ся. Нас-тя, - он опустил голову и хотел к ней повернуться, но не стал этого делать. Почему-то. - Я не зна-ю, каким был до... но я на-де-юсь, что не при-чи-нил те-бе ни-че-го. У меня нет прош-лого, ес-ли не ве-ришь, то мо-жешь про-верить. Я... прос-ти, ес-ли оскор-бил те-бя.

Вдох-выдох, и он делает над собой усилие, чтобы повернуться и посмотреть на девушку.

---

### **Анастасия Полякова**

Они явно находились в плену недопонимания, и Настя постаралась вслушаться в то, что ей говорят, и попытаться понять, где что пошло не так и как объяснить ситуацию, не запутав все ещё больше. Она по-прежнему была расстроена и не знала, как ее слова могли так превратно понять, но постаралась напомнить себе, что люди разные и опыт у каждого свой. Конечно, каждый из них опирался на свое прошлое и прежние события, чтобы интерпретировать то, что происходит сейчас. Конечно, их мысли не будут идентичными.

Маркус извинился, хотя все ещё не понимал, что она имела ввиду, и Настя почувствовала, как ей становится легче, а раздражение и обида затихают. Она собралась с силами и попыталась объяснить:

— Именно потому что тебе пора возвращаться домой, я все это и сказала. Маркус, — она выделила его имя, надеясь, что он прислушается и поймет то, что она хочет сказать, — я вовсе не выгоняю тебя или что-то ещё, я... Скорее, я хочу сказать... — Мысль все никак не формулировалась во что-то связное, Настя спотыкалась на середине фразы. — В ближайшие несколько месяцев у меня нет никаких дел с фиксированной датой, я могу хоть сейчас уехать что в Россию, что в ту же Испанию. И мы могли бы встретиться снова буквально через день или два, если ты готов все это время меня терпеть. — Она попыталась закончить с лёгкой шуткой, надеясь, что это разрядит обстановку между ними. Ну хоть немножко.

— Ты не обижал меня в прошлом, и очевидно, ты не стал бы выдумывать амнезию, я знаю, — без капли сомнений заявила Настя. Да, у нее мелькнула мысль на сей счёт, но это была мысль, порождённая обидой от внезапного холода с его стороны, а не результат размышлений, подкреплённых доказательствами. — Мне не нужно лезть к тебе в голову, чтобы поверить. — От одной мысли о том, чтобы снова влезать в чужие мысли, ей стало плохо. — И прости, если мои слова тебя обидели. Я этого не хотела.

Настя подняла голову и посмотрела на него, надеясь, что ее взгляд докажет ее

искренность.

---

## Маркус Агирре

Слова, что она может *вотпрямычас* уехать куда-то из монастыря, заставили сердце молодого человека затрепетать в груди, к удивлению его. Он хотел было притянуть девушку к себе, уговорить её поехать с ним, и неважно, что билет только на одного, отец может помочь с перелётом, и никогда больше её не отпускать от себя. Но он сдержал непонятный и, если быть честным, очень приятный порыв и прикрыл глаза. Помассировал виски пальцами руки, провёл по подбородку и вдруг неожиданно подумал, что он не брился уже несколько дней, и его щетина может быть неприятна девушке. Вот Лухан не нравилась его щетина, она раздражалась и не хотела с ним целоваться, пока он не побреется. Настя вроде бы не обращала на это внимания.

- Пое-ха-ли со мно-й? Я по-ка-жу тебе Мад-рид, ты с Фок-сом и от-цом позна-комишь-ся, мы съез-дим в Барсе-лону. О день-гах не бес-покой-ся, я оп-ла-чу.

Он не был уверен, что девушке понравится эта идея, но хотел, чтобы она поехала с ним.

А потом его ухо зацепилось за слово "амнезия". Снова сжал руку в кулак и, отвернувшись от девушки, прислонился лбом к стеклу и закрыл глаза. Горько усмехнулся.

- Амне-зия. Нет, Нас-тя, у ме-ня нет поте-ри памя-ти. У ме-ня нет па-мя-ти. Я... прос-то нет па-мя-ти. Это слож-но объяс-нить, но моё соз-на-ние стало напол-няться только пос-ле дейст-вий Тео. Он вы-ле-чил ме-ня. Я... зомби? Да, я как зом-би, - Маркус хмыкнул, - жи-вой мертве-ц. Мне нужны бы-ли воспо-мина-ния, что-бы чувст-во-вать се-бя чело-ве-ком, что-бы не сойти с у-ма. Да я даже от-ца уз-нал толь-ко по рас-сказам Джуна и Яреци. Амне-зия - это дру-гое.

Поняв, что говорит слишком много ненужного, да ещё и дрожащим заикающимся голосом, он снова хмыкнул и тяжело вздохнул.

---

## Анастасия Полякова

Маркус очень воодушевился и принялся фонтанировать идеями о том, что они могли сделать, если бы поехали вместе в Испанию. И Настя была не против, тем более что после недавней работы в Японии у нее хватало на все это средств. Но не мог не озадачить вопрос о семье Маркуса. Ну какой родитель порадует, увидев, как их ребенок приводит в дом незнакомку после нескольких дней общения? Настя могла только представить реакцию отца Маркуса, и это видение внушало ей ряд опасений. Но если воспринять эту поездку как пробный запуск, как бы грубо это не звучало, попробовать сойтись и понять, могут ли они построить отношения друг с другом. Хотя знакомство с семьёй ее все ещё смущало. С другой стороны, она ведь знала отца Яреци и ее дочь и в этом не было ничего такого. Тут немного иная ситуация, конечно, но это не должно вызвать ничьего гнева. Наверное.

Настя рассмеялась.

— Поехали! — И чуть смущённо добавила: — И я могу оплатить себе поездку, но

спасибо за предложение.

Упоминание амнезии его расстроило. Насте, конечно, никто так и не рассказал, что именно случилось тогда в Африке и к чему это привело, а сама она не спрашивала. Здесь не было официальной больницы, просто лазарет, но она все ещё очень серьезно относилась к таким вещам, как врачебная тайна, и не собиралась требовать, чтобы ей раскрывали подробности чужой болезни. А самого Маркуса спрашивать... Вот зачем ему об этом напоминать? Знание едва ли ей как-то поможет.

— Прости, — первым делом сказала она. — Я не знала диагноза, поэтому просто предположила.

По описанию Маркуса ей показалось, что речь шла о клинической смерти, а клиническая смерть, конечно, не делала его менее человеком. Настя осторожно обняла его спины, готовясь в любой момент отпустить, и прислонилась лбом к лопаткам.

— У тебя есть разум и чувства, сердце бьётся... Ты не зомби и не мертвец.

Настя не стала грузить его медицинскими терминами, остановившись на главном. Пожалуйста, пусть он поймет, и ему станет хоть немного лучше.

---

## **Маркус Агирре**

Анастасия вроде как согласилась на поездку, но молодой человек предполагал, что это она просто так сказала. Сам бы он вряд ли согласился просто так уехать с девушкой, с которой виделся всего ничего, и он был уверен на сто тысяч процентов, что это были просто её слова. Чтобы как бы поддержать беседу, например.

Маркус не был наивным идиотом и прекрасно понимал, что она никуда не поедет с ним. Да и понимал её. Возможно, она ещё и боится встретиться с его семьёй, но это всего лишь страхи, не имеющие обоснованности. Ведь он, Маркус, о Насте помнит только благодаря рассказам отца о монастыре и этой девушке. А отцу об этом рассказала Яреци. Конечно, никто точно не знал, а Маркус не знает, как далеко зашли его отношения с Настей до болезни, но... он был уверен, что папа примет эту девушку. Лухан он не принял, да и Маркус не сильно настаивал.

Девушка подошла к нему и обняла со спины. Маркус опустил голову и своей ладонью накрыл тонкую и маленькую ручку девушки. Слабо улыбнулся. Хотел сначала обернуться, чтобы снова заключить девушку в свои объятия, но остался стоять в том же положении. Настя начала извиняться и говорить о том, что не знала диагноза, а он почему-то подумал, что совершенно не хочет ничего ей рассказывать. Может быть она права, говоря, что он может что-то оставить в прошлом и продолжить жить настоящим. Ну, что-то он оставил в прошлом. Конечно, смерть бабки и дяди Мануэля он оставил в прошлом. Это жизнь, последствия большого землетрясения. Прогулки с гиенами по Африке он вообще забыл, ведь там никого не было и никто не знает, что там происходило. Да и после "воскрешения" он понял, что человеком быть интереснее и важнее, чем гиеной. У гиен нет разума, просто инстинкты. Детёныши вырастают и отправляются жить самостоятельно, никогда

больше не вспоминая родителей и братьев/сестёр. У людей всё не так. Нити родства должны быть, если родные живы и здоровы. А он знал, что он не из детского дома. Джун рассказывал.

- Спасибо, - прошептал он и все-таки повернулся. Обнял девушку. - Я по-ста-ра-юсь не хан-дри-ть и пом-ни-ть хо-ро-шее. Ты не хо-чешь про-гу-лять-ся? Я хо-чу сходить в ди-кий пар-к.

Кажется, там он ещё не был. В этой жизни.

---

### **Анастасия Полякова**

Кажется, буря миновала, и они не собирались больше ссориться. Настя почувствовала небывалое облегчение, словно избежала ядовитой змеи или ножа в подворотне. Ей совсем не нравилось с ним ссориться. Ей ни с кем, в общем-то, не нравилось ссориться, но с семьёй это всегда было по мелочам, и они прощали друг друга за пару минут или, по крайней мере, могли ненадолго уйти, перевести дух, а потом увидаться и поговорить снова. Маркус же мог вернуться в Испанию, и она бы никогда больше с ним не встретилась. Хорошо, что они не разбежались, разругавшись в пух и прах.

Ещё одной хорошей новостью стало то, что Маркус решил выбраться из своей комнаты хоть куда-то, а не сидеть дальше взаперти, без еды и с кучей переживаний.

— Пойдем, — согласилась Настя, — я давно там не была. — В последний раз это было, кажется, на мастер-классе, но она не помнила точно. Скорее всего, да, потому что большую часть локаций она посещала исключительно ради обучения, и дикий парк в этот список просто так не попадал, только если занятие какое-то, а с мастерами один на один она тоже давно не занималась.

— Его не рассаживали намеренно, там природа сама решает, как расти. В любое время года должно быть красиво, — сказала она Маркусу и задумалась, стоит ли оставлять поднос с едой здесь или занести его в столовую, раз уж все равно по пути.

---

### **Маркус Агирре**

Маркус улыбнулся уголками губ, снова поцеловал девушку, найдя это занятие очень хорошим и правильным, и отстранился от неё. Посмотрел на поднос с едой, некоторые позиции которой не были тронуты, пожал плечами, надеясь, что Настя, если ей надо будет, поест как-нибудь потгм. Он тоже как-нибудь потом поест, если будет желание. От голода сдохнуть ему никто тут не даст, а если он захочет до этого дойти, то ничего хорошего не будет. Он представил Тео, который его спасёт, если он сдохнет от голода, а потом сам прийдёт и спасти не будет. И смерть, наверное, будет не такая чтобы лёгкая.

Ладно, об этом думать не стоит, потому как он точно не собирается подышать от голода. Ведь в мире есть люди, которые от него зависят, которым он нужен (и которые нужны ему). Одна из таких людей сейчас стояла рядом и была согласна пойти в парк. Мотнув головой и помассировав виски пальцами, Маркус взял свою куртку и кивнул девушке.

- Да-вай отне-сём под-нос в сто-ло-ву-ю, - сказал он и первым вышел из комнаты, неся поднос с едой.

---